ГАЛУШКО ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, культурологии и иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
vitgeor@mail.ru

GALUSHKO VICTOR
Ph.D (philosophy), associate professor, department of philosophy, cultural science and foreign languages,
Saint-Petersburg state institute of psychology and social work

УДК 141.201

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

THE PROBLEM OF INTEGRAL WORLDVIEW AND GLOBAL CHANGES

Аннотация. В статье анализируется возможность и условия выработки целостного мировоззрения в условиях размывания традиционных ценностей в эпоху глобализации. При этом мировоззрение рассматривается как компонент, образующий смысл жизни, наряду с образом жизни и жизненной позицией человека. В статье определяется значение России, имеющей в своей культуре объединяющее универсальное начало светских и религиозных ценностей.

Abstract. The paper discusses the possibility of integral world-view development during the period of traditional values concept global changes. Thus, the worldview is considered as a component forming meaning of life, way of life and a person's stand of life. The author defines the role of Russia as uniting secular and religious values in its culture.

Ключевые слова: целостное мировоззрение, глобализация, образ жизни, культурные традиции, философия истории

Keywords: integral worldview, globalization, way of life, cultural traditions, philosophy of history

Сегодня термин «глобализация» используется в лексиконе политиков, финансистов, ученых, публицистов, отмечающих новый этап мирового развития. Явление глобализации имеет и сторонников, и противников. Термин «глобализация» появился сравнительно недавно и сразу прочно вошел как в мир научных исследований, так и в круг проблем, активно обсуждаемых обыкновенными людьми. Этот процесс, о котором так много говорят в последнее время, является, по сути, процессом формирования нового всемирного человеческого сообщества. Он несет с собой как возможные перспективы, так и негативные последствия.

Сегодня уже ясно, что глобализация не сводится к экономическим переменам, она выражается в переформировании всей системы социальных связей и отношений, системы жизненных миров обитателей экономически продвинутых регионов и, отчасти, развивающихся регионов планеты. Глобализация, проходя сквозь аксиосферу, оказывает на нее сильнейшее преобразующее воздействие и, в свою очередь, испытывает обратное влияние духовных перемен на ход, направленность, темп и характер своего развития.

В глобализирующемся обществе растет пропасть между высшей и низшей стратами. При этом конфликтующие крайние социальные группы оказываются носителями принципиально отличных ценностных ориентаций: они разделены не столько по уровню материального достатка, сколько по типу генеральных целей жизнедеятельности (одни ориентированы на удовлетворение своих материальных потребностей, другие мотивированы потребностями на личную самореализацию). Таким образом, нарастающее социальное неравенство определяется не столько изменениями в размерах собственности, в характере и структуре доходов, специфике профессиональной деятельности, в бюрократических статусах или в иных социальных детерминантах, сколько факторами естественными (способности к созидательной деятельности, к продуцированию новой информации, качеством характера, здоровьем и т.п.). Эти трудности представляют наиболее благодатное поле для деятельности социального проектирования. Работа на «поле» этих трудноустранимых с позиций рациональной морали различий дает возможность раскрыться этике социального проектирования как социальной этике.

Глобализация является вызовом для любого участника мирового сообщества, тем более для России, которая вступила в XXI век далеко не фаворитом. Глобализация представляет собой процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства

на базе новых технологий. В этом ее отличие от интеграции. Глобализация еще только разворачивается, она еще не принесла нам своих последствий в полном объеме. Наибольшее впечатление производят глобальное телевидение, «финансовое цунами» спекулятивных капиталов, сметающее и воздвигающее национальные экономики, интернет, виртуальная реальность, интерактивность. Однако внешние атрибуты и инструменты глобализации не должны заслонять влияния новых технологий на человечество.

Р. Робертсон определил глобализацию как совокупность объективно фиксируемых изменений, имеющих своей основной целью объединение мира в единое целое. В основание философии «глобализации» положены следующие главные идеи: «мир-системный» подход Валлерстайна, представляющий человеческое сообщество как систему взаимодействующих регионов «ядра», «периферии» и «буферной зоны»; модель «открытого общества» Поппера, как социальный механизм постоянной модернизации, а точнее — вестернизации; гегемонизм США «по-бжезински» как геополитическое основание нового передела мира; торговый Строй Аттали как цивилизация денег, превращающихся из простого средства платежа в абсолютную, универсальную ценность; теория Фукуямы, что этот строй есть венец истории.

Смысл жизни человека складывается из характеристик образа жизни, жизненной позиции, мировоззрения и картины мира человека. Образ жизни — система принципов и правил сохранения физического и психического здоровья людей. Мировоззрение — это совокупность нравственных ценностей, которые делают человека сторонником или противником общественно-исторических отношений в обществе. Картина мира формируется в процессе познания всего спектра сведений о мире и обществе. Когда у человека достаточным образом сформированы и согласованы все эти характеристики, тогда и образуется понимание смысла своей жизни. Человек перестает искать так называемые заменители данного смысла.

В период глобализации все компоненты данной сферы изменились. Эти изменения взаимосвязаны. Если меняется хотя бы один из компонентов схемы, то исчезает прежний смысл жизни и вместо него появляется абсолютно другой. Для того, чтобы определить смысл жизни конкретного человека, необходимо выяснить его образ жизни, жизненную позицию, определить его мировоззрение и картину мира.

Изменения в период глобализации характерны и для ценностей. Ценности определяют количество правильно соединенных между собой моральных принципов, воспринимающих смысл. Без ценностей смысл вряд ли бы существовал. Более того, третьим звеном здесь выступает понятие цели. Смысл, основанный на ценностях, должен определять поведение человека, направлять его к заранее заданной цели жизни.

Современные процессы приводят к значительному изменению роли сознания. Манипуляции сознанием определяются как часть разновидности власти, а не воздействие на поведение партнера. Манипуляция не побуждает, а заставляет действовать человека тем или иным способом. Безусловно и глобализация, будучи новой формой политической власти, манипулирует нашим сознанием, заставляя действовать по заранее заданной программе. Некоторые ученые предлагают рассматривать глобализацию как систему сдержек и противовесов, где, с одной стороны, происходит интеграция мирового сообщества, а с другой — разбиение на относительно автономные регионы в пространстве и на автономные группы в социуме [12, с. 119–128].

Философия глобалистики исходит из идеи целостности и единства планеты и населяющих ее живых существ и должна найти фундаментальные принципы человеческого бытия, исходя из которых, протекающие процессы стали бы способствовать достижению идеи целостного единения.

В настоящее время возникли различные направления, рассматривающие глобальные проблемы с разных точек зрения. В настоящее время можно выделить следующие пять направлений в глобалистике [1].

Технократическая глобалистика: сторонники этого направления исходят из того, что поскольку научно-технический прогресс является главной причиной обострения глобальных проблем, то, следовательно, разрешение этих проблем возможно только путем дальнейшего совершенствования техники.

Постиндустриальная глобалистика: представители этого направления видят причины глобальных проблем в изменениях происходящих в политической, социальной и экономической структурах общества, вызванных переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. С возникновением глобального постиндустриального общества глобальные проблемы будут разрешены.

Эколого-популистская глобалистика: сторонники этого направления видят источник обострения глобальных проблем во взаимодействии общества и природы. По их мнению, для решения глобальных проблем необходимо свести воедино новейшие достижения естественных наук и использовать их при принятии политических решений, что в конечном счете позволит устранить антропогенные последствия технического прогресса. Ключ к решению глобальных проблем, по их мнению, лежит в «альтернативном мировоззрении» или так называемом «третьем пути».

Три вышеназванные направления реализуют идею «утилитарно-прагматического» подхода к решению проблемы человека. В рамках второго подхода, т. е. придания подлинности человеческому бытию развивается «экзистенциально-культурная глобалистика» и «эволюционно-детерминистская».

Экзистенциально-культурная глобалистика: для представителей этого направления характерен более широкий взгляд на генезис глобальных проблем. В качестве основной причины обострения глобальных проблем можно назвать дегуманизацию культуры. Решение современного кризиса видится в возвращении подлинного гуманизма, где человек будет нести ответственность за свое бытие.

Эволюционно-детерминистская глобалистика: представители этого направления считают, что феномен техники имеет онтологический статус,

т. е. технический прогресс — это часть эволюции природы. Человечество должно лишь правильно настроится на этот эволюционный процесс, а «мудрость» природы сама разрешит возникший кризис.

В философии глобалистики сложилось два подхода к проблеме существования человека. Первый подход можно обозначить как сциентистко-технократический. Он рассматривает проблему человека утилитарно-прагматически, т. е. предполагает дальнейшее совершенствование человека путем развития в нем «новых качеств». Такой подход развивался в рамках Римского клуба и был первым в историческом плане.

Второй подход возник как альтернатива первому. И хотя исторически он выглядит как более поздний, но, по сути, он более древний, ибо он исходит из сути самой философии. Этот подход предполагает вернуть человеку его подлинность, которая была утрачена в ходе его исторического развития. Основная идея второго подхода лежит в ответственности человека за все, т. е. за свое бытие. Это направление в глобалистике исходит из философии экзистенциализма.

Глобализация в ее нынешней форме не способствует повышению устойчивости международных отношений. Напротив, она является своего рода катализатором социально-политической напряженности и конфликтов в мире. Поляризация богатства и бедности, борьба за рынки, за доступ к энергетическим и иным природным ресурсам, информационная и культурная экспансия Запада воспринимается другими народами как угроза их культурной и цивилизационной идентичности.

Необычная историческая роль и миссия России в этом глобальном процессе просматривается достаточно хорошо. Россия является страной одновременно европейской и азиатской, занимая местоположение между Западом и Востоком. В ситуации непредсказуемого будущего, в поисках новой духовной парадигмы (а это проблема не только российская) России органически ближе идея взаимопонимания, консенсуса и синтеза различных ветвей человеческой цивилизации. Находясь на перекрестке дорог между Западом и Востоком, она хорошо чувствует и понимает и что такое «Восток», и что такое «Юг». Россия выступает как носитель и образ совершенно определенного духовного, ценностного смысла человеческого бытия. Этот путь развития таит в себе другое видение мира и позитивную альтернативу тупикам и вызовам цивилизации, прославившей себя культом войн, индивидуализма, индустриализма и рассудочности [13, с. 443].

Проблема единого глобального мира не является для России чем-то совершенно новым и неожиданным. Поиск объединяющего универсального начала, религиозного или светского, происходит через всю историю русской мысли. Свое собственное будущее и будущее мира она всегда представляла в глобалистских терминах и понятиях.

В процессе глобализации многие страны, в том числе и Россия, могут потерять свое уникальное национальное своеобразие. Сейчас эта проблема поставлена на повестке дня всех народов, и те, кто не сможет ее решить, просто не имеют будущего. Как пишет В. Гальченко, «Они потеряются в мире вестернизации из народа превратятся в безликую массу» [3, с. 20].

Для Запада вопрос цивилизационной идентичности нашей страны давно решен и является даже своего рода аксиомой. Ярким подтверждением тому является бестселлер С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в котором Россия рассматривается как «стержневая страна православной цивилизации», страна, в которой Православная Церковь является единственной неразорванной связью с российской 1000-летней историей [14, с. 17]. Нам необходимо признать, что именно в Православии лежит основа нашей национальной самобытности. В XIX веке Ф. М. Достоевский определил, что в России понятия русский и православный идентичны, отказавшийся от православия перестает быть русским [8, с. 45]. Если мы не будем возрождать и укреплять свои многовековые традиции, то это приведет к обезличиванию нации.

В последние десятилетия в России ощущается заметное влияние Западной культуры, западного «просвещения». Но прежде чем ориентироваться на Запад, нужно четко понять, что у нас с ним разные культурно-исторические корни и духовные природы. Для западного общества всегда было важно понятие материального прогресса. Эта идея была воспринята протестантизмом, который стал ведущей религией западной цивилизации. В этом заключается наиболее общие основы социокультурной идентичности западного цивилизационного типа [2, с. 110].

Православная этика формирует гражданское общество не через индивидуальные, а через коллективные формы активности, и современная психология показывает, что коллективные дают более сильные и устойчивые формы социально-политических мотиваций. Нужно возвращаться к духовному наследству, полученному нами от предков, потому что именно это наследие было положено в основание нашей цивилизации. Ведь сейчас известно, что «цивилизация состоит из религии, государства и культуры» [4, с. 121], а С. Хантингтон пишет, что «религия является центральной, определяющей характеристикой цивилизаций» [14, с. 59–60].

В культурно-информационной сфере глобализация обусловлена развитием технологий, облегчающих перемещение людей и предметов, распространение и получение информации. Общества, прежде разделенные расстояниями и границами, а потому по большей части однородные, сегодня с легкостью соприкасаются и становятся поликультурными. Однако данный процесс сопровождается попыткой установления господства богатой элиты над остальными людьми, одних культур и мировоззрений над другими. В итоге наблюдается стремление представить в качестве единственно возможной универсальную бездуховную культуру, основанную на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерила истины. Такое развитие глобализации многими в христианском мире сопоставляется с построением Вавилонской башни.

Одной из основных «бед» современной глобализации стало то, что главным ее действующим

лицом оказалась страна, привыкшая использовать мир в своекорыстных целях и потому не способная по-настоящему заботиться о поступательной динамике его развития [5, с. 66]. За нынешним этапом «глобализации» стояло стремление американцев использовать возможности народов, населяющих страны «периферии», и навязать им свое собственное видение мира. Для американцев главным было не осознание своей цивилизаторской роли в жизни этих народов, а уверенность, что другие страны повторяют путь, по которому они сами прошли как первопроходцы. Роль первопроходцев не предполагала глубокого осмысления американцами сложившихся культурных парадигм; скорее, она подразумевала пренебрежение ими.

Синергетический подход объясняет развитие и преемственность как особые самоорганизации в составе неопределенного многообразия. Это значит, что развитие осуществляется не линейно и однонаправленно, а представляет из себя ветвящуюся структуру, где ветви, самоорганизуясь, взаимодействуют между собой. Это взаимодействие множества спонтанных систем самоорганизации и образует новое, синергетическое понимание преемственности. Отсюда следует, что при таком понимании преемственность не может быть предопределена, а лишь можно предположить тенденции ее реализации. Это создает новую методологию, предложенную философской герменевтикой: реконструировать преемственность не как причинную линию, но как «обратную перспективу» — определение происхождения будущим, т. е. во что и как воплощается процесс самоорганизации.

Развитие различных культур тесно взаимосвязано. Многие наиболее значительные достижения ушедших цивилизаций не просто аккумулируются человечеством, но и создают дополнительные условия формирования единой, интегрированной общественной структуры. Преемственность между культурами, пронизывающая невидимой нитью все ушедшие и существующие цивилизации, и формирует глубоко интегрированную целостность всей общечеловеческой культуры. Отрицание ценностной значимости преемственности культур сводит историческое развитие к механистическому кружению.

По мнению Тойнби, которого многие несправедливо причисляют в сторонники теории автономных культур: «Если гибель одной цивилизации вызывает таким образом рождение другой, не получается ли так, что волнующий и на первый взгляд обнадеживающий поиск главной цели человеческих усилий сводится в конечном счете к унылому круговороту бесплодных повторений неоязычества? Для нашего западного мышления циклическая теория, если принять ее всерьез, сведет историю к бессмысленной сказке, рассказанной идиотом» [11, с. 274]. Именно благодаря преемственности развития мы обнаруживаем во всех социальных системах некое единство.

Накопление и передача информации (преемственность знания) сами по себе недостаточны для прогрессивного роста без детерминирующей роли целевого селектора. Осознанное целедостижение текущего уровня потребностей является основным селектором прогрессивного развития социальных систем. Ортега-и-Гассет подчеркивает значение памяти человечества: «Человек благодаря своей способности помнить копит собственное прошлое, владеет им и извлекает из него пользу. Он никогда не окажется первым на Земле человеком — его существование начинается на определенной высоте, на вершине накопленного… Попытка порвать с прошлым, начать все с нуля — это попытка стать или притвориться орангутангом» [10, с. 207].

Духовные ценности не могут стать общественным достоянием, если не будут объективированы и не станут передаваться от поколения к поколению в виде социально-исторического опыта. Этот накопленный обществом опыт объединяет их в семиотические системы, которые возникают вместе с умением «раскодировать» таящееся в них духовное содержание. В связи с этим информация рассматривается как семиотическая система, направленная объективировать духовное содержание психической деятельности общества посредством присущей ей способности символизировать социокультурные явления и наделять их смыслом.

К концу прошлого столетия постепенно выдвинулась категория меры в культуролии, не отвергающая категорию деятельности, а углубляющая и развивающая ее, мировоззренческий смысл которой в современных условиях все более возрастает. Через категорию меры в современную культуру входит понятие диалога, общения, так важного для решения современных проблем, в том числе духовно-экологических. Л. А. Коган пишет: «Примером со-бытийной, со-творческой деятельности человека может служить методологически ключевая категория меры. Ее онтологические истоки — в структуре и динамике Бытия, — его объективно складывающихся соответствиях, пропорциях, симметриях» [6, с. 68]. Категория меры сопряжена с понятиями гармонии, коэволюции, целостности.

Идея целостности, являясь своеобразным мировоззренческим «нервом» нашей эпохи, определяет основное содержание современной философии, науки и образования как важнейших духовных и духовно-практических сфер человека. Основываясь на идее целостности, только и возможно обосновать коэволюцию человека, общества и природы и единство свободы творческой самореализации человека и его сопричастности к миру культуры.

Парадигма целостного мировоззрения наиболее адекватна современным реалиям. При этом нельзя сказать, что она возникла именно сейчас. Проблема целостного мировоззрения неоднократно возникала в истории мысли: внутри философии, в богословских трудах и трудах естествоиспытателей, тяготевших к холистическому взгляду на мир. Однако в конце XX — начале XXI в. проблема целостного мировоззрения, общепланетарной мировоззренческой парадигмы стала особенно злободневной. Свидетельствами ее актуальности могут служить интегральные тенденции в отношении культур Востока и Запада, интенсивные поиски согласия между представителями различных конфессий. Актуальность целостного взгляда на мир ныне определяется интегративными процессами в науке, все настоятельней ощущается потребность в обобщающих подходах и синтетических теориях, где

видна идея всеобщей связи, антропный принцип, синергетика и т. д.

Целостность связана в определенном смысле с унификацией, хотя, безусловно, не сводится к ней. Об определенной унификации мировоззренческих ориентаций можно говорить, во-первых, в связи с тем суммарным воздействием человека на природу, которое ныне сопоставимо с геологическими процессами. Именно в этой ситуации возникает «потребность большей унификации некоторых мировоззренческих представлений… необходимость преодоления локальности некоторых ценностных ориентаций и приоритетов при сохранении этноприродного разнообразия» [9, с. 156], — утверждает Ю. В. Олейников. Во-вторых, унификация мировоззренческих ориентиров человечества, определяемая единством исторических судеб всего человечества, решения им глобальных, прежде всего нравственных проблем и природопользования. Концентрация совместных усилий на достижение общечеловеческих целей, несмотря на существующие различные интересы, требует единой основы в форме новых мировоззренческих парадигм.

Таким образом, сейчас вновь стала актуальной идея целостности, которая не раз была востребована в истории. Необходимость целостного мировоззрения возникает обычно именно в кризисные эпохи как ответная мера на явление духовного распада. Философия Всеединства В. Соловьева — пример целостного мировоззрения. Поэтому, обращаясь вновь к целостности, мы как бы встречаемся со своим прошлым, но так как наука, культура и в целом современная цивилизация дали много новых «деталей», могущих служить обоснованием целостности, и, кроме того, устремлены к новым, будущим открытиям, то обращение к целостному мировоззрению — это и встреча с будущим. Прав известный философ С. Б. Крымский, когда, размышляя о метаисторических ракурсах философии истории, отмечает: «Современная история… все теснее связывает движение вперед с преобразованием настоящего под углом зрения неиспользованных возможностей прошлого, т. е. реализует будущее не только в запросах сегодняшнего, но и в составе опыта прошлого, входящего в современность» [7, с. 41].

Востребованное практикой прошлое обретает достоинство «вечно настоящего» и не отделяется от сегодняшнего дня. Это позволяет оценивать историю под сигнатурой метаистории. А такая оценка предполагает вычленение инвариантов цивилизации, ее стержневых ценностей, укореняющих человека в универсуме. Одним из таких инвариантов и является целостное мировоззрение. Неоднократно бывшее в истории, оно вновь востребовано как настоящим, так и обозримым будущим. Тем самым подтверждаются принципы синергетики, в рамках которой процессы идут так, как они шли во всем объеме системы в прошлом.

В нелинейном ходе истории каждый значительный шаг в будущее предполагает освоение все больших массивов прошлого. Сегодня возникает социальная задача ценностного присвоения характеристик прошлого, настоящего и будущего, формируется новое видение глобальности истории. Соответственно раскрываются и нетрадиционные ракурсы вопрошания смысла, форм, путей и результатов человеческой деятельности в рамках целостного мировоззрения, гармонично сочетающего в себе научность, метафизическую глубину и религиозное чувство, возможно устойчивое развитие современной человеческой цивилизации.

1. *Абдуллин А. Р.* Основы глобалистики. — Уфа: РИО БАГСУ, 1999. — 128 с.
2. *Василенко И. А.* Политология. — М.: Гардарики, 2004. — 288 с.
3. *Гальченко В.* Россия должна решить проблему своей идентичности // Православная беседа. — 2003. — № 4. — С. 18–20.
4. *Емельянов-Лукьянчиков М. А.* Концепция «племенизма» К.Н. Леонтьева в цивилизационной историософии XIX–XX веков // Вопросы истории. — 2004. — № 9. — С. 120–132.
5. *Иноземцев В. Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. — 2004. — № 4. — С. 58–63.
6. *Коган Л. А.* Закон сохранения Бытия // Вопросы философии. — 2001. — № 4. — С. 56–69.
7. *Крымский С. Б.* Метаисторические ракурсы философии истории // Вопросы философии. — 2001. — № 6. — С. 32–41.
8. *Матвейчук С.* Вавилонская башня российской политической элиты // Православная беседа. — 2004 — № 3. — С. 42–46.
9. *Олейников Ю. В.* Экологическая детерминация мировоззренческих трансформаций // Философия и общество. — 2000. — № 1. — С. 141–158.
10. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 509 с.
11. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: сборник. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 592 с.
12. *Толстых В.* Диалог культур в глобальном мире // Свободная мысль. Теоретический и практический журнал. — 1998. — № 8 (1477). — С. 119–128.
13. *Толстых В.* Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 592 с.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.